

Корни радуги

Автор:

Джеральд Старк

Корни радуги

Джеральд Старк

Покинув Шадизар, Конан нанимается охранником в караван к богатому вельможе. По пути их ждёт много опасностей, но, благополучно прибыв в дом вельможи, Конан остается там на некоторое время. И, оказывается втянут в нешуточные интриги творящиеся здесь. Но благородный варвар не позволит использовать себя в грязных намерениях.

Джеральд Старк

Корни радуги

Город Шадизар, Замора.

Начало зимы 1264 года по основанию Аквилонии.

– Уезжаешь, значит.

С утра Ши Шелам повторил эту немудрящую фразу уже в сотый или тысячный раз. Звучала она не вопросом, а утверждением, и ответа не требовала. Кроме того, на прощальной вечеринке, завершившейся на рассвете, воришка изрядно перебрал и теперь видел жизнь исключительно в черных красках.

– Все разбежались, – заплетающимся языком твердил он всю дорогу от таверны «Пещера демона» до Изразцовых Ворот славного города Шадизара. – Поразъехались кто куда, бросили меня совсем одного... Мерзавцы вы и предатели, вот кто!

Высказавшись, Ши ненадолго замолчал. Догадался, что приятеля не переубедить. Поступок Конана, впрочем, был не лишен эдакого варварского здравомыслия. Город Воров в последнее время подрастерял часть исконной гостеприимности, за что следовало благодарить исключительно месьора Верховного Дознавателя вкупе с его подчиненными. Сам Ши предполагал исчезнуть с недремлющих глаз Сыскной Когорты хотя бы до наступления весны. Он уже и подходящее местечко присмотрел, и с владельцем дома договорился.

Скучноватая выдастся зима, но зачем искушать судьбу?

Даже Малыш смекнул, что к чему, однако решил действовать по-иному. В его варварской душе, видите ли, завелась – подобно тараканам в неприбранном доме – неодолимая тяга к странствиям.

Осуществить задуманное оказалось довольно просто. Сунуть помощнику содержателя большого постоялого двора мешочек с серебряными талерами, тот за кружкой «Старой винодельни» похлопочет за одного своего дальнего знакомого перед нужными людьми...

Через седмицу дело сладилось. Хозяин большого каравана, шедшего из Керкиры, столицы соседней Коринфии, в богатый Хоарезм на побережье Вилайета, как раз подыскивал желающих подзаработать охраной перевозимых товаров. Караванщик рассуждал здраво: на пути к границе Турана еще встретится Аренджун и с десятков городков поменьше, кто-нибудь из охранников непременно удерет или влипнет в историю, так не лучше ли заранее нанять десяток лишних стражников? Расходы невелики, выгода очевидна.

Должно быть, Конан произвел на будущего работодателя двойное впечатление. На первый взгляд – юнец юнцом, наверняка с трудом усвоил, с какой стороны у меча рукоять, а с какой лезвие. С другой стороны, если верить байкам про жителей Полуночи, не сбежит на первой же стоянке и будет честно отрабатывать полученное жалование...

Второе соображение победило. Теперь Конан шел к назначенному месту сбора, с любопытством загадывая – что ожидает его в ближайшем будущем? Ши изображал плакальщика на похоронах и громогласно рассуждал о множестве подстерегающих караван опасностей.

– Да уймись ты, в конце концов! – не выдержал киммериец. – Через две, от силы через три луны я вернусь. Иначе ты пропадешь без присмотра. Будешь путаться с кем надо и не надо, проиграешься вдрызг, с горя напьешься, начнешь буяннить и загремишь в Алронг, верно?

Ответом на подобную заботливость послужил неприличный жест.

– Сам не влипни, – огрызнулся воришка. – А коли влипнешь, постарайся хотя бы сохранить голову на плечах и остальное, что к ней прилагается. Я ведь с самого начала предупреждал – это плохая затея!

«Ты как раз всю твердил – поезжай, поезжай, и даже не раздумывай», – мысленно возразил Конан, но препираться не захотел. Настроение не то.

Молодые люди свернули налево и оказались на площади перед Изразцовыми Вратами, переполненной озабоченно суесящимися погонщиками верблюдов, блюстителями из Таможенной управы, вездесущими уличными торговцами, пронзительно нахваливающими свой залежалый товар, и собственно верблюдами, меланхолично взиравшими сверху вниз на людское копошение и размеренно пережевывающими нескончаемую жвачку. Казалось, население целого шадизарского квартала вдруг решило тронуться в путь, прихватив домочадцев, отпрысков, знакомых и друзей.

Конан и Ши Шелам постояли немного, взирая на пеструю круговерть. Варвар искал в толпе старшину караванной стражи, дабы известить того о своем появлении, воришка соображал, чего бы сказать на прощание. Ничего толкового Ши не придумал, потому что отвлекся, заметив быстро промелькнувшее полужнакомое лицо и крайне им заинтересовавшись.

– Смотри-ка, кто с вами поедет, – он настойчиво подергал приятеля за рукав новехонькой, на днях купленной куртки. – Да не туда, налево от крыльца Таможенной управы! Бишаринские верблюды под синими попонами, и большая крытая повозка с гербом, запряженная воловьей четверкой.

Повозку, украшенную изображением силуэта некоей хищной птицы на зеленом щите, варвар углядел безошибочно, а в верблюжьих породах не слишком разобрался. Ясно только, что владелец животных и возка – человек богатый.

– Вечно забываю, что ты еще не запомнил лиц тех, кого во всей Заморе безошибочно узнают за два десятка шагов, – хмыкнул Ши, и не дожидаясь расспросов, объяснил: – Это Гельге Кофиец. Кто он такой?.. Счастливчик и любимчик удачи. Тот, кто умудряется всегда находить корни радуги и выкапывает оттуда ба-альшой горшок с золотом. Человек, у которого нюх на выгодные сделки и который знает о торговле в наших краях все. Гельге заправляет Торговой Гильдией Заморы и отчего-то не стремится к большему, хотя давно бы мог плюнуть на нас, перебраться в блистательный Аграпур и занимать там не последнее место при дворе правителя. Хочешь добрый совет? – воришка прищурился. – Пока будете ехать, постарайся вовремя попасться ему на глаза или оказать какую полезную услугу.

– Делать мне больше нечего, – небрежно отмахнулся киммериец, наконец-то заприметивший главу охранников. – Ладно, Ши. Счастливо оставаться.

– Знакомство с подобными людьми еще никому не повредило, – стоял на своем Ши, но быстро понял, что его не слушают. Приятель, увлеченный начинающимся путешествием, уже выкинул из головы любые наставления и предостережения. Не имело никакого смысла и дальше болтаться у него под ногами.

Поэтому Ши Шелам незаметно удалился, перемахнул ближайший забор и вскарабкался на покатую крышу приземистого сарайчика. Он просидел там, немелодично посвистывая, почти колокол, и своими глазами убедился, что караван благополучно покинул веселый Шадизар.

Вместе с ним уехал и Малыш.

Впрочем, какой он теперь, к демонам, Малыш? Кто теперь вспомнит замученного, опасливо косящегося по сторонам подростка, нынешней весной притащившегося в Столицу Воров? Мальчишка стал чрезмерно самоуверен, особенно когда к нему в руки угодила довольно кругленькая сумма золотых монет. Третью ее немедля растратили на дружеские вечеринки, веселых девиц, игру в кости, раздачу долгов и новое жилье, остальное пошло на снаряжение варвара в дальнюю дорогу. Добротная одежда, теплый, подбитый волчьим

мехом плащ – будет далеко не лишним на ночевке в степи, учитывая, что зима не за горами. Сапоги, оружие... Новый меч киммериец выбирал сам, раз пять обойдя Оружейные ряды и доведя половину торговцев до тихого помешательства. В конце концов выбор пал на очень неплохой полуторный клинок нордхеймской ковки. Хвостиком таскавшийся следом Ши торговался до хрипоты, но купчина, подметив, как азартно заблестели глаза у долговязого варвара, был неумолим – разве что удалось получить за полцены удобные ножны из красного дерева, приспособленные для ношения за спиной.

По совету почтеннейшего Шетаси уль-Айяза, бывшего письмоводителя и Наставника в Сыскной Когорте, и невзирая на громкие возражения Конана, с некоторых пор недолюбливавшего лошадей, приобрели даже коня – гнедого бритунийской породы, спокойного и выносливого.

– С него и ребенок не упадет, – заверил продавец, и недоуменно покосился на подавившегося смешком Ши.

* * *

Жеребец носил чуть легкомысленное прозвание Бьюри, то есть Вереск, и, как доподлинно выяснилось, не скрывал под напускным равнодушием ни злобности нрава, ни пристрастия к пакостным выходкам. Рысил, деловито пофыркивая, по песчаной обочине, не возражал против пробежек вдоль растянувшегося на три или четыре перестрела каравана, и с удовольствием галопировал по степи, когда приходила очередь Конана проверить дорогу впереди.

Путешественники благополучно добрались до Арэнджуна, отдаленного от Шадизара двадцатью лигами пути, пробыли там день, обзаведясь новыми попутчиками, и неспешно двинулись дальше, на Полуночный Восход. Спустя еще пару дней обоз миновал захолустный пограничный городок Дэлирам, и вокруг потянулись к выцветшему голубому небу невысокие холмы – отроги Кезанкийских гор.

Проводники утверждали: теперь до самой переправы через реку Хелиль будут только неприветливые скалы, которые потом сменятся засушливой туранской

полупустыней с редкими поселениями. За Хелилем земля более плодородна, и, если не обращать внимания на чрезмерную жадность сборщиков налогов, ехать через тамошние края – одно удовольствие. Два дневных перегона, и на горизонте покажутся стены Акита, конца пути. Там господин ир'Аледаш, представитель торгового дома «Тагдиле и Наследники», рассчитается с наемными работниками – охраной, погонщиками животных, проводниками. Конан предполагал ненадолго задержаться в Аките: оглядеться по сторонам, узнать, на что похож этот город и чем отличается от Шадизара, а после вернуться обратно...

Небо затянула серая хмарь, слишком тонкая для того, чтобы пролиться нечастым в здешних краях дождем, однако полдень немедленно превратился в некое подобие ранних сумерек. Зимнее солнце просвечивало в разрывах облаков тусклой серебряной монеткой. Тишина, нарушаемая лишь редкими окриками погонщиков да глухим перестуком конских копыт, и однообразность пейзажа действовали на людей подобно сонному снадобью.

Ир'Аледаша, клевавшего носом в седле в середине растянувшегося каравана, нагнал всадник на мощном вороном жеребце – грузный, средних лет мужчина с пышной раздвоенной бородой и пронзительным взглядом маслянисто-черных глаз, одетый по офирской моде в просторную темно-фиолетовую тунику и бархатный плащ того же цвета с богатым золотым шитьем.

– Да продлятся бесконечно твои дни, почтеннейший, – негромко сказал чернобородый, поравнявшись с караванщиком. – И приумножатся богатства в твоих сундуках.

– О... благодарю, досточтимый Гельге, – спросонья чуть нервно ответил купец. – Чего желаешь мне, пусть тебе воздастся вдвое.

– Мы с тобой не впервые едем этой дорогой, – продолжал бородач. – Ну и унылые края, а? Всякий раз проклятые пески нагоняют на меня ужасную тоску. К тому же, болтают, последние несколько седмиц здесь небезопасно.

– Пески как пески, – равнодушно пожал плечами ир'Аледаш. – Когда полжизни проведешь в повозке или покачиваясь меж верблюжьих горбов, начнешь скучать и посреди базара в Арэнджуне. Что же до опасности... Полагаю, ты имеешь в виду Мерцающее Облако?

– Его самого, – Гельге задумчиво огладил свою ухоженную бороду. – Две луны тому Каххан Длиннорукий со своими конниками прижал его шайку на перевале Арреат и изрядно потрепал, вот он с горя и подался в Пустоши. Но мерзавец все еще силен. По слухам, у него полсотни сабель или около того. Тебе ведь доводилось встречаться с Облаком, не так ли?

Туранец покачал головой в знак согласия.

– И не раз, – сказал он. – Еще там, на Арреате, где он сидел, сытый и довольный, как насосавшийся клещ, взямая с караванщиков мзду. Мерцающее Облако умен, его шакалы не вырезали караваны начисто, как поступают иные банды. Обычно они просто появляются из-за поворота, загораживают путь и требуют дани – треть стоимости груза. Отдашь добром – не тронут. С теми, кто пытается вступить в спор, а наипаче – в драку, Облако расправляется самым жестоким образом.

– Ты до сих пор жив. Значит, платил ему, – усмехнулся Гельге.

– А что делать? На Арреате Мерцающее Облако держал две сотни конников! Кстати, наглость его и сгубила. Государь Илдиз, да не заходит в его владениях солнце, обеспокоился слухами о некоем благородном разбойнике, который, мол, честным купцам дает вести торговлю, бедным раздает деньги, а кровопийц и сквалыг наказывает со всей суровостью. Вдобавок Мерцающее Облако заимел скверную привычку разъезжать с десятком телохранителей по окрестным селам и разбрасывать горстями серебро, тем самым развращая умы простецов и сея смуту...

– Но если судьбе вздумается свести вас снова? – напирал Гельге. – Ты, я знаю, нанял хорошую охрану, а людей у него, наоборот, поубавилось. Хватит ли у тебя смелости отомстить Облаку за прошлые страхи?

– Хватит, – без малейшего колебания отрезал караванщик.

Гельге откинулся в своем вышитом, с высокой спинкой седле и заурчал, как сытый кот. Масляные глазки его при этом превратились в блестящие щелочки. Ир'Аледаш взглянул на купца с недоумением, которое сменилось раздражением, как только караванщик понял, что Гельге смеется.

– Что забавного открылось тебе в моих словах, почтеннейший? – холодно осведомился туранец.

Вместо ответа Гельге резко оборвал смех и вытянул руку с пухлыми, униженными перстнями пальцами, указывая куда-то в сторону.

– Такой скучный день! – воскликнул он. – Давай немного развлечемся. Посмотри-ка, видишь длинного нордхеймца, который выглядит так, будто впервые забрался верхом на коня? Кажется, он присоединился к вам в Шадизаре? Проверим, у кого из нас лучшее чутье на людей! Что ты можешь сказать по его виду?

– Ты прав, – неохотно признался ир'Аледаш, – я о нем почти ничего не знаю, его нанимал Септах, старшина воинов... Намекаешь, что среди моих людей могут оказаться предатели?

– О нет, что ты! – замахал руками Гельге. – Я просто предлагаю... небольшое состязание. Так можешь ли ты, опытный торговец, прошедший полжизни в седле, поведать что-нибудь любопытное о сем молодом человеке?

– Родом с Полуночи, – начал караванщик довольно уверенно, – вряд ли старше двадцати лет от роду... В караване не впервые, но охраняет груз самое большее второй раз, если вообще не первый – слишком часто оглядывается на тех, кто поопытнее. Снаряжение с одеждой – новые, добротные. Значит, недавно заработал приличные деньги, но не торговлей и не ремеслом, это точно. Украл или выиграл в кости. С виду неотесан, но верен и храбр, да и силушки на двоих...

Паузы в речи караванщика становились все продолжительнее. Гельге внимательно слушал, прикрыв глаза, а даже не подозревающий, что стал предметом самого дотошного рассмотрения Конан спокойно восседал в седле, оглядываясь по сторонам. В эти края он и впрямь попал впервые, оттого желтоватые, источенные ветром нагромождения каменных глыб, серые морщины песчаных наносов и бегающие по ним маленькие смерчки, «пыльные демоны», вызывали у него живейший интерес.

– Вот, пожалуй, и все, – закончил ир'Аледаш. – Теперь твоя очередь.

– Ты выиграл, – печально признал Гельге. – Мне нечего добавить, уважаемый. Вот, выпей прекрасного вина с моих виноградников – лучшего не отведаешь и в самых богатых домах Офира, клянусь сладкими бедрами Дэркетто Неутомимой!

– Но в нашей игре ведь крылся некий смысл? – настаивал туранец, принимая из рук чернобородого небольшую флягу.

– Я лишний раз убедился, что ты проницателен, как сфинкс, и глаз твой острее ястребиного, – разглагольствовал Кофиец, в зрачках коего зажегся странный упорный огонек. – Как иначе ты мог бы всякий раз проходить Арреат, не платя ни сикля Мерцающему Облаку?

Ир'Аледаш поперхнулся глотком вина и едва не уронил флягу, которую Гельге ловко подхватил.

– Во имя неба, о чем ты?

– Тише, вокруг много чужих ушей, – медовым голосом предупредил Гельге. – Ты прекрасно расслышал, о чем я говорю. Или мне, ничтожному, придется тратить твое драгоценное время, рассказывая, как ты снабжал бандитов провизией, а взамен увозил награбленное добро, дабы сбить потом в лавках шадизарской Ночной Пустоши? А заодно предупреждал Мерцающее Облако о готовящихся облавах? И щедро угощал его дурманным порошком, до которого мерзавец весьма охоч? Или как сдал его шайку сотнику Каххану, поскольку возомнивший о себе Облако сделался бесполезен и назойлив?

Караванщик усилием воли сдержал бившую его дрожь. Гельге, заметив крупную испарину, проступившую на лбу торговца, утробно рассмеялся и ободряюще хлопнул туранца по спине – всякий, не слышавший разговора, подумал бы, что видит мирную беседу двух друзей.

– Сколько ты хочешь? – прошептал ир'Аледаш.

– Ну-ну, что ты, о чем ты говоришь, досточтимый! Я, Гельге Кофиец, Нашедший Корни Радуги, стану вымогать у тебя какое-то презренное золотишко? Опомнись!

Гельге наклонился поближе к ир'Аледашу:

– Кстати, как поживает Стахим Книжник? Правда, хорошо, что у него достало мудрости отдать просимое? Бедняга не пережил бы, если бы подонки, которых ты прислал, изуродовали его красавицу-дочь...

– ...как ты узнал?

– Но Стахим остался при своей ненаглядной дочурке, и та вскоре благополучно выйдет замуж, а я получу книгу, бесценный древний фолиант, вырванный тобой у бедняги Книжника. Ведь так?

– Всадники! – донесся вопль из головы каравана. Гнусаво взвыли сигнальные рога, и хриплый голос старшины воинов проревел:

– Разбойники! К бою, стоять насмерть!

* * *

Главарь шайки промышлял на торговых путях давно и дело свое знал туго. Место для нападения он выбрал исключительно грамотно – караван, растянувшийся едва не на три перелета стрелы, только подходил к выходу из ложбины меж двумя длинными каменистыми грядами. Теперь лучники нападающих, по счастью немногочисленные, могли сверху осыпать смертоносной сталью тех, кто укрылся за телегами; а с головы каравана вопящей лавиной хлынули всадники на низкорослых и вертких хауранских конях, одетые, подобно кочевникам-степнякам, в развевающиеся халаты и мохнатые шапки из лисьих хвостов. Пронось по обочинам дороги мимо неподвижно застывших подвод, они на скаку срубали тех, кто пытался оказывать сопротивление.

Однако охрана оказалась на высоте, и Септах доказал, что ест свой хлеб не зря. Еще на первой стоянке после выхода из Изразцовых Врат каждый, способный держать оружие, получил надлежащие указания и четко представлял свое место и свои действия как раз на случай такого вот внезапного налета. Некоторые воины заранее надели легкие кольчуги, теперь сослужившие им добрую службу. Та часть охранников, что чувствовали себя в седле увереннее, чем на твердой

земле, вступила с налетчиками в стремительный встречный бой. Не успели отзвучать первые команды, как уже захлопали арбалеты, извлеченные возницами из-под попон – теперь и вражеские стрелки начали нести потери.

Продвинувшись не далее середины «змеи», состоящей из повозок и крытых фургонов, разбойничья лавина стала распадаться на водовороты отдельных поединков, как конных, так и в пешем строю.

Конан, ввиду явной своей неспособности драться в седле – даже меч его, прямой и тяжелый, никак не предназначался для конной сечи – едва закипел бой, соскользнул со своего жеребца и укрылся за ближайшей телегой. Как раз вовремя: сразу три стрелы с узкими гранеными жалами воткнулись над его головой в дощатый борт, и сверху, видимо, из пропоротого мешка, потекла тонкая струйка зерна. Нордхеймский клинок сам прыгнул в руку молодому варвару, и Конан, издав его самого удививший боевой клич, мощным скачком взлетел на верх подводы. Рядом с ним возница, бросив поводья, целился из самострела куда-то вверх, лицо стрелка перекопилось от напряжения, а свесившийся из седла бандит в лисьей шапке уже заносил для удара хищно изогнутую симитарру.

Все это отпечталось в памяти Конана странно застывшей картиной: летящие во весь опор кони еле перебирают копытами, стрела страшно медленно срывается с тетивы – и единственным быстро движущимся предметом оставался его собственный меч, с быстротой молнии хлестнувший всадника поперек груди. Только когда бандит, потеряв свою шапку и выронив саблю, тяжело грянулся оземь, мир вокруг киммерийца пришел в движение, а заодно обрел голос.

– Аий-й-йя! – пронзительно завопил тот, что скакал следом за только что зарубленным, и замахнулся узкой альфангой. Варвар успел лишь подставить свой тяжелый меч. Два клинка с размаху столкнулись, послышался жалобный хруст, – и разгоряченный конь унес нападающего, сжимающего в руке рукоять с куцым обломком лезвия, а на мече Конана появилась изрядная зарубка.

– Аий-й-я!

От следующих двоих, пластавших налево и направо, киммериец уклонился, ощутив, как свистящее лезвие обдало ветерком его макушку. Бандиты тут же сшиблись грудь в грудь с двумя мрачными великанами-тургаудами из охраны

Гельге Кофийца. Спустя мгновение один тургауд и один степняк рухнули под копыта несущихся коней, оставшиеся в живых рубились так, что искры сыпались из-под сабель.

Возница, которого Конан прикрыл три удара сердца тому, лежал поперек мешков со стрелой в горле.

Киммериец, обеими руками стиснув рукоять меча, метнулся между телег, рассчитывая пересечь линию повозок. Вокруг орали, стонали, богохульствовали и просто молча умирали защитники и нападающие – последних, впрочем, гибло больше. Прямо под ноги Конану, соскользнув с верхушки камня, рухнул подстреленный степняк, за спиной у него еще болтался пустой колчан. Киммериец на миг опустил глаза, а когда снова поднял взгляд, увидел в десятке шагов широкую конскую грудь, сливающиеся в бешеной скачке копыта, всадника в великолепном парчовом халате, прильнувшего к самой конской шее в попытке избежать разящих стрел – все это разом, летящее на него по усеянной трупами пыльной обочине.

Времени на раздумья не оставалось. Конан прынул в сторону, присел, нордхеймский меч, загудев в воздухе, рубанул по широкой плоской дуге и подсек коню передние ноги. Всадник и конь – оба покатались кубарем, конь забился, пытаясь встать и визжа от боли, всадник же, хоть и оглушенный падением, мгновенно перекувырнулся, как кот, вскочил и выставил перед собой полумесяц туранской сабли-симитарры. Шапку он потерял при падении, длинные черные, давно не мытые волосы рассыпались по плечам, а раскосые черные глаза уставились на противника с лютой ненавистью. Разбойник был невысок ростом, однако коренаст и жилист до чрезвычайности, а то, как он держал оружие, чутко прощупывая воздух тонким острием, подсказало киммерийцу, что перед ним опытный боец.

Конан со своим тяжелым мечом не выдержал бы состязания в быстроте атаки с подобным противником. Единственное преимущество варвара состояло в длине клинка, да еще, может быть, в физической силе. Поэтому, когда без всякого предупреждения степняк напал, его встретила шипящая, сверкающая стальная мельница. Дважды разбойник делал быстрый, как удар змеи, выпад. Дважды его сабля со звоном отлетала, и он с трудом удерживал рукоять в пальцах. Такой защите Конана выучил человек, коего иногда полагали лучшим мечом Шадизара.

– Долго не протянешь! – яростно выкрикнул разбойник и ударил снова. Острейшее лезвие чиркнуло по левому предплечью киммерийца, и Конан едва успел отразить удар.

«Он прав», – подумал Конан, но тут что-то изменилось. Его противник внезапно захрипел, выронил саблю и повалился ничком прямо в белую дорожную пыль. Киммериец увидел два коротких арбалетных болта, пробивших тканый золотом халат под левой лопаткой.

Варвар остановил уже порядком замедлившуюся «мельницу» и осторожно положил на дорогу иззубренный и покрытый пятнами крови меч. В нем все равно не было более нужды: остатки банды, не выдержав боя и даже почти не прихватив какой-либо добычи, уходили в пустыню. Караванщики недосчитаются многих, но о шайке Мерцающего Облака отныне можно говорить в прошедшем времени: всего десятка полтора всадников в лисьих шапках избежало расправы, из них только половина нахлестывали лошадей, торопясь скрыться, прочие же, очевидно раненые или обессиленные, едва держались в седлах.

* * *

– Конечно-конечно, никакой ты не герой. Тебе просто повезло. Сперва Мерцающее Облако чуть не стоптал тебя конем, а ты, ну по чистой случайности, вышиб его из седла – громы небесные, вот это был удар! Потом ты едва не четверть колокола выстоял против одного из лучших бойцов в Пустошах... Совершенно никакого геройства! Любой бы мог! – Дагоберт, рослый, светлоглазый и светловолосый, как все уроженцы Гандерланда, оглушительно захохотал и шутейно пихнул Конана в плечо свободной левой рукой – в правой гандер сжимал пивную кружку устрашающих размеров. Сидящие кругом костра воины поддержали шутку дружным смехом. – Да хватит тебе скромничать! Септах сказал – герой, значит, будешь героем!

– Эй, варвар, давай, выпей с нами!

– А с двумя мечами «мельницу» крутить сможешь?

– Вот и конец банде, да-а... Сколько мы их положили? А они наших?..

– Сабля у меня переломилась, а это степное чудище летит прямо на меня – ну, думаю, все, смахнет башку. Хватаю, что под руку подвернулось, и...

Вдоль крутого берега полноводного Хелиля, несущего свои вечно мутные воды к морю Вилайет, горели в ночи костры, то и дело слышались взрывы смеха и обрывки пьяных песен. Всякий новый кувшин вина или бочонок пива встречался ревом всеобщего одобрения. Торговцы, побывав на волосок от верной смерти, не скупались на доброе угощение собственной охране. Правда, владелец большого постоянного двора, непременной приметы любого крупного перекрестка караванных путей, мог только многословно извиняться и разводил руками – мол, пусть почтенные купцы простят недостойного, но вот уж третий караван нынешним вечером, мест нет, люди во дворе и так спят прямо на мешках... Ир'Аледаш плюнул и приказал ставить шатры. Ночь выдалась на удивление теплая, и лучше провести ее под ясным небом, чем в душной вонючей комнатухе придорожного кабака. Вдобавок совсем близко, под защитой небольшого приземистого форта с надежным туранским гарнизоном, протянулся над водой мост через Хелиль. Значит, Акит недалеко, а остаток пути будет недолог и безопасен.

Скоротечный бой унес жизни двух с небольшим десятков караванщиков, нападающих же полегло самое малое вдвое. Впрочем, мертвых разбойников никто не пересчитывал, и хоронить их тоже не стали. Просто оттащили тела подальше в пески на поживу шакалам и воронью. Первая же песчаная буря занесет останки пустынных грабителей так, что ищи хоть нарочно – не отыщешь.

Внимания удостоился лишь труп их бывшего предводителя. Отрубленную голову Мерцающего Облака старшина воинов собственноручно залил крепким уксусом в небольшом бочонке (за нее власти Турана назначали немалую награду) и предложил сперва Конану как добытый в честном бою трофей. Киммериец с омерзением отказался. Септах недоуменно пожал плечами, и теперь жутковатый «трофей» покоился среди прочих ящиков и бочек в повозке ир'Аледаша, дабы по прибытии в Акит быть с триумфом переданным в городскую Управу.

Среди погибших возниц, приказчиков, писарей и воинов охраны имелись и туранцы, и шемиты, и кофийцы, и даже рыжебородый асир, давно уже ходивший

с ир'Аледашем и встретивший смерть от разбойничьей стрелы. В Туране предпочитали огненное погребение, кофийцы хоронили своих мертвецов в богатых саркофагах, шемиты – зарывали в землю... Ни один из этих ритуалов не удалось бы совершить посреди бесплодного моря песчаных дюн и нагромождения голых скал. Поэтому караван двинулся дальше, оставив обочь дороги большой каменный курган – керн, скрывший мертвые тела.

По крайней мере воин из далекого Асгарда таким последним пристанищем остался бы доволен.

Убытка имуществу купцов не воспоследовало, почитай, никакого – несколько убитых лошадей да пара вспоротых в спешке тюков не в счет. Гельге Кофиец, хоть и потерявший в схватке двух охранников из десяти, что шли с ним, сиял, как новенький имперал, чего нельзя сказать об ир'Аледаше. Весь путь до переправы через Хелиль туранец проделал словно бы в глубокой задумчивости. Сейчас он в одиночестве курил кальян в собственном просторном шатре: силуэт, подсвеченный пламенем близкого костра, ясно выделялся на тонкой полотняной стенке.

Что же до Конана, то вокруг него в эту минуту было чрезвычайно шумно. Прибившиеся к костру воинов возчики-хауранцы – нынешним вечером сословные различия забылись – наладились сплясать хетташ, хауранский национальный танец, и Дагоберт безуспешно пытался аккомпанировать им на неведомо откуда вытащенной лютне. Молодой, не старше самого Конана, крепко сбитый туранец по имени Хали, без устали подливая варвару вина, подбивал его побороться на поясах, с другой стороны вино киммерийцу подливал Самдик из Аграпура, вдохновенно расписывая прелести туранских танцовщиц. Кто-то рассказывал в третий или четвертый раз про свою доблесть в недавней стычке, другой хвастался добытой в бою симитаррой из узорчатой вендийской стали. У соседнего костра веселились тургауды Гельге Кофийца – оттуда доносился грохот сталкивающихся кружек и похабные песни, исполняемые кто во что горазд, но с большим воодушевлением.

– ...В самом деле, Конан, что тебе делать в этом Аките? Скажу я тебе, дыра дырой! Пойдем до Хоарезма, я тебе покажу такое, чего ты в жизни не видал! Вот представь, в прошлом году мы с Ишмиком...

– Да погоди ты со своим Ишмиком! – воскликнул Хали, воздевая к черному небу руки в жесте возмущения. – Ставлю на кон этот вот кинжал из самой Зингары

против твоего дырявого плаща, что побью тебя на поясах, киммериец! Я был лучшим в квартале кулачным бойцом, клянусь рукой Эрлика, мне случилось стоять против троих разом и выйти победителем! Ну, разомнемся?

- Идет, - согласился варвар, поднимаясь. Он не любил хвастунов, к тому же, сколько ни старался добросовестно напиться, в этот вечер чувствовал себя трезвее трезвого. Туранец же, вставая, покачнулся и едва не сверзился в костер.

Немного доблести будет, если я его повалю, подумал Конан, стягивая через голову рубаху. Туранец уже швырнул свою рубаху наземь, рядом вонзил упомянутый кинжал и выпрямился, играя внушительными мускулами. Его кожа влажно блестела в свете костра.

- Эй, там! - зычно крикнул Самдик, вскакивая. - Дайте места! В круг, в круг! Потеха воинов!

- Хур-р! - раздались одобрительные выкрики со всех сторон. - В круг! Потеха воинов!

Самдик, добровольно взявший на себя обязанности судьи, спросил:

- Готовы? - и, получив утвердительный ответ, взмахнул рукой промеж поединщиками, приглашая к схватке.

Конан не знал правил, но не раз участвовал в кулачных поединках в своем родном клане, еще будучи мальчишкой, и подозревал, что различие невелико. Кроме того, он полагался на свою силу и пару-тройку хитрых уловок, показанных ему приятелями по развеселой и не всегда безопасной шадизарской жизни. Едва Самдик подал сигнал, туранец бросился, пригнувшись, вперед, сграбастал варвара за шею и попытался свалить самой обычной подножкой. Конан без особого труда вывернулся и попробовал в ответ провести захват противника за шею сзади.

Круг расширялся - привлеченные азартными воплями, подходили новые зрители.

Дважды полетев спиной вперед на землю, Конан стал осторожнее. Хали с самого начала провел его, показав, будто едва держится на ногах, тогда как на самом

деле был не так уж пьян. К тому же он и впрямь отлично владел приемами туранской борьбы, которых киммериец, естественно, не знал. Когда варвар, лихо прокатившись по траве во второй раз, в ярости попытался использовать свой излюбленный прием «кулаком под ложечку», зрители возмущенно засвистели, а «судья» развел поединщиков и укоризненно поцокал языком.

Впрочем, и Хали, испытав киммерийца, держался настороже.

Они снова сошлись, и на сей раз Хали поднырнул под расставленные руки Конана, пытаясь схватить его под коленями и опрокинуть на спину. К этому моменту варвар уже уяснил из раздающихся вокруг азартных воплей, что для победы в поединке туранец должен приложить его к земле одной или двумя лопатками либо удерживать в захвате не меньше десяти ударов сердца. Значит, нужно обязательно устоять и не позволить Хали завладеть положением. Поэтому, лишь только заметив атакующее движение туранца, Конан чуть отпрянул в сторону и сам подался навстречу противнику. Земля стремительно пронеслась перед его глазами, потом мелькнул частокол ног, обступивших тесный круг. Киммериец почувствовал, как мощные мускулы Хали окаменели в попытке разорвать захват, удвоил нажим, перекинул руку...

– ...Восемь! Девять!! Десять!!!

– Киммериец выиграл!

– Варвар победил!

Конан обнаружил, что прижимает туранца к земле захватом, при котором продетые под мышки противника руки сплетены в замок на его затылке. Он расслабил пальцы, встал и помог подняться Хали. Парень тяжело дышал и потирал шею, но улыбнулся Конану без малейшей обиды.

– Кинжал твой, – просто сказал туранец. – Хорошо дерешься. Кто тебя научил «железному замку»?

Конана хлопали по спине, кто-то сунул ему в руку кубок с вином, который варвар осушил одним глотком. Круг не расходился – по примеру первых поединщиков на спор вышли Дагоберт и один из тургаудов. Конан, натянув рубаху, хотел было присоединиться к зрителям, но тут чьи-то железные пальцы крепко взяли его за

плечо.

– Иди за мной, – сказал Септах. – Тебя хочет видеть хозяин.

Киммериец невольно бросил взгляд на просторный шатер ир'Аледаша и отметил, что на полотняной стенке появилась еще одна тень.

* * *

Септах проводил киммерийца до самого шатра, откинул перед ним полог, но сам остался снаружи. Конан вошел, гадая, что может означать эдакое приглашение. За время короткого пути до хозяйской палатки он обдумал возможные подвохи и рассудил, что повода для немилости он ир'Аледашу вроде не давал. Стало быть, разговор предстоит вполне приятный и для него, Конана из клана Канах, возможно, небесполезный. Внутренность шатра освещали несколько вычурных масляных фонариков вендийской работы. Как видно, в масле, питавшем фитили лампад, содержались благовония, и от их сладкого, густого аромата у варвара на миг закружилась голова.

Ир'Аледаш восседал на вышитых подушках. На Конана он даже не посмотрел. Только зерна четок из темно-алого граната ритмично пощелкивали в пальцах караванщика. У его ног стоял странный длинный сосуд с множеством тонких трубок и низенький столик, уставленный пиалами со следами вина и плоскими чашами с фруктами и сладстями. Над узким горлышком сосуда вился еле различимый дымок.

В шатре присутствовал еще один гость – дородный, роскошно одетый бородач с толстой золотой цепью на груди, выпущенной поверх просторной фиолетовой туники. Этот, в отличие от хозяина, глянул на киммерийца с явным интересом.

«Помнится, Ши настойчиво советовал мне почаще попадаться на глаза Гельге Кофийцу, – припомнил Конан наставления приятеля. – Вот случай и выдался».

Не совсем представляя, как себя вести и что говорить, Конан счел, что сообразнее дожидаться первого слова хозяина и лишь слегка поклонился,

остановившись как раз на границе пушистого иранистанского ковра, устилавшего пол в палатке.

Кофиец хмыкнул – скорее благосклонно, нежели презрительно.

– Сей юноша либо отменно воспитан, что большая редкость для полуночных варваров, либо страдает немотой, – промурлыкал он. При звуках этого голоса киммериец немедля подумал о толстом степном коте-мануле, домашнем, раскормленном и... безобидном? Ну уж нет. Несмотря на добродушную внешность и вальяжные манеры, Конан, научившийся немного разбираться в людях, чуял в дородном кофийце умелого и беспощадного бойца. Лицо у Гельге было умное и жесткое, а сложенные на груди руки, хоть и напоминали окорока, при желании могли, наверное, с легкостью гнуть подковы. – Надеюсь на первое. Ведь ты умеешь говорить, юноша? У тебя есть имя?

– Назовись, – буркнул ир'Аледаш, решив, что настало время ему поучаствовать в беседе, но по-прежнему не поднимая глаз.

– Конан... Из клана Канах.

Последнее Конан добавил после крохотной, но, увы, не упущенной Кофийцем заминки, что послужило поводом для приступа утробного смеха.

– Наслышан, наслышан, – отсмеявшись, проговорил купец, выбирая виноградину со стоящего на ковре плоского подноса. – Премного наслышан о привязанности воинов Полуночи к древним традициям и всякого рода диковинным обычаям. Скажи мне, доблестный Конан из клана... э-э... Канах, в который раз ты сопровождаешь торговый караван?

Киммериец бросил вопросительный взгляд на ир'Аледаша. Тот кивнул – можно, мол.

– Первый, – честно признался варвар.

– Первый, – задумчиво повторил кофийский торговец. – И что заставило тебя бросить привычное ремесло... Кстати, чем ты занимался прежде?

Ир'Аледаш снова дал Конану знак отвечать, однако варвар медлил вовсе не за его разрешением. Как объяснить Кофийцу род занятий юного выходца из полуночной страны в славном Шадизаре, именуемом Столицей Воров? Притом неизвестно, что хуже – сказать, что воровал или что служил в Сыскной Когорте, пусть и недолго?

– Когда я впервые появился в Заморе, мне было всего шестнадцать, – издали начал Конан. – Я был болен, и из имущества со мной оставался только меч. Помогли добрые люди, выходили...

Нашедший Корни Радуги нетерпеливо взмахнул пухлой кистью.

– Словом, воровал, – непреклонно заключил он. Конан не стал спорить. – Хотя постой-ка... Ты пришел в Шадизар в шестнадцать лет, один... имея с собой меч – довольно дорогую вещь, оружие воителя? И тебя не убили по дороге, не отобрали клинок, ты не продал его ради пропитания? Откуда же ты явился?

Конан пожал плечами:

– Чтобы это объяснить, мне придется отнять у почтенных господ торговцев слишком много времени, а оно чересчур драгоценно, чтобы тратить его на подобные пустяки.

– Поразительно вежливый юноша, что за чудо! – восхитился Гельге. – Н-ну, хорошо. Поведай нам, о бриллиант среди варваров – в каком возрасте ты убил своего первого врага?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/stark_dzheral-d/korni-radugi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)